

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 330.16

Юрий Ивашук

ЭМЕРДЖЕНТНЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В ЭКОНОМИКЕ И ЕГО ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Рассмотрены концептуальные подходы к моделированию поведения экономических субъектов и раскрыто понятие рациональности экономического выбора. Обосновано, что систематическое соответствие намерений и ожиданий, определяющих действия различных, взаимосвязанных индивидов, является основой формирования определённого институционального порядка. Сформулировано авторское видение феномена эмерджентного институционального порядка. Раскрыты результаты попытки подтверждения феномена эмерджентного институционального порядка в лабораторных условиях. Приведен пример возникновения эмерджентного институционального порядка в реальных экономических системах. Аргументирован вывод о том, что важные составляющие эмерджентного порядка, присутствующие в рыночных процессах, обусловлены влиянием институтом, а не одной лишь рациональностью индивидов.

Ключевые слова: рациональность, стратегическое взаимодействие, поведенческая теория игр, феномен эмерджентного институционального порядка.

JEL: C7, C91, D01.

Такой здесь был гражданский строй,
Что благо нёс изъязн любой...;
Пороком улей был снедаем,
Но в целом он являлся раем...;
Тут и преступница-пчела
Для пользы общества жила.

Бернард Мандевиль, Басня о пчелах.

Уже давно не секрет, что большинство человеческих потребностей может быть удовлетворено исключительно путем различных форм общественного труда. Поэтому сама возможность достижения поставленных целей одними индивидами зависит от уровня соответствия действий других индивидов, важных для их задач, с тем, что именно они ожидают от них. Вместе с этим, заботясь о собственных интересах и имея ограниченный доступ к информации, индивиды способны вместо хаоса создавать организованные общества или, по меньшей мере, производить единичные общие положительные эффекты. В некоторых случаях положительные результаты являются следствием взаимодействия институциональных правил и действий, вовлечённых в процесс субъектов, которые следует рассматривать вместе с политическим процессом воплощения властных полномочий определёнными группами, которые доминируют в системе.

Ивашук Юрий Петрович (yu.ivashuk@tneu.edu.ua), канд. экон. наук; преподаватель кафедры экономической теории; Тернопольский национальный экономический университет; сфера научных интересов: поведенческая и экспериментальная экономика, теория игр, экономика коррупции.

Поэтому можно говорить об определённом институциональном порядке (institutional order), определяющем фундаментальные регулярности в процессе осуществления экономической деятельности экономическими субъектами независимо от сфер и видов их деятельности.

Многосторонним вопросам институциональной организации экономики, которая служит основой для налаживания взаимодействий между субъектами, посвящено немало работ отечественных ученых. Например, основатель концепции институциональной архитектуры А. Гриценко аргументировал, что функционирование экономических отношений в хозяйственных системах обеспечивают институты, а их структуру образуют правила, нормы, стереотипы, традиции, установки и определённые социальные образования (2006. С. 155). В. Тарасевичем показано, что институты, помимо прочего, выступают также предпосылкой рационального поведения экономического субъекта и являются результатом выбора последним из перечня существующих норм и правил (опять же по критерию рациональности); а в свете координационно-распределительной функции институтов отмечено, что экономические субъекты предпочитают спонтанный порядок по сравнению с организованным (2008. С. 48). В. Дементьевым в свете факторов, направляющих и подчиняющих деятельность людей (а значит, и структурирующих социальные взаимодействия), выделены так называемый "спонтанный механизм", который включает в себя реальное поведение как норму или правило, а также коллективные действия участников в процессе экономического взаимодействия как источник принуждения; а также доказано, что несоблюдение определённого порядка отношений служит причиной исключения экономического субъекта из соответствующей среды и делает невозможным выполнение им операций и осуществления трансакций (2009. С. 88). Несмотря на всю фундаментальность указанных работ, вопрос эмерджентного институционального порядка не нашёл должного развития в отечественной экономической мысли и остаётся освещённым фрагментарно. Среди современных зарубежных исследователей, которые в своих трудах пытались заглянуть в сущность этого вопроса, стоит вспомнить лауреата Нобелевской премии в области экономики В. Смита (2008. С. 431–432) и Ш. Сандера (2003).

Целью работы является освещение поведенческих оснований эмерджентного институционального порядка и подтверждение его существования как в лабораторных условиях, так и на примере реально действующих экономических систем. Теоретико-методологическим основанием труда является синтез инструментария экономической науки относительно моделирования и объяснения экономического выбора с современными достижениями экспериментальной экономики, что предполагает сосредоточение на индивиде как исходной смысловой единице.

**Теоретико-методологический подход к моделированию
экономического выбора в неоклассической школе:
фундаментальность и недостатки**

Моделированием поведения экономических субъектов и рационального экономического выбора в той или иной степени занимались представители различных экономических школ, но все они так или иначе связаны между собой благодаря совместной составляющей – человеку, который является ядром системы взаимодействий. Ранняя неоклассическая экономика, представленная, например, в трудах В. Джевонса, строила модель поведения экономического субъекта на основе методологическо-

го ядра гедонистической психологии, исходя из предположения, что индивиды в своем поведении пытаются максимизировать удовольствие и минимизировать страдания (Jevons, 1965. Р. 37). Послевоенная неоклассическая экономика свидетельствует о резком разломе между классической и неоклассической традицией, поскольку в процессе перевода экономики в более последовательную методологическую структуру и с целью повышения силы предсказания теории послевоенные теоретики пытались разорвать все связи с гедонизмом (Angner, 2012. Р. 641–689).

В результате фундаментальных наработок была разработана модель, согласно которой индивиды, входящие в экономическое пространство, являются так называемыми "homo economicus" – людьми, которые руководствуются при осуществлении экономического выбора несколькими аксиомами рациональности, в частности: (1) им присущи четко структурированные преимущества (цели), и в принятии решений они тяготеют к максимальному удовлетворению их; (2) они не совершают ошибок (по крайней мере, систематических) при подсчете выгоды и расходов, связанных с различными вариантами выбора; (3) в ситуациях, которым присуща неопределённость, они оказываются способными выстраивать возможные оценки возможных расходов, используя для этого всю имеющуюся информацию, и пересмотр этих оценок осуществляется ими сразу же по мере поступления новой информации¹.

Если не принимать во внимание многочисленные философские подходы к трактовке понятия рациональности, то нужно отметить, что с позиции чисто формального понимания оно не является выразителем того, насколько "верными" (рациональными) есть цели, которых стремятся достичь индивиды. В частности, по мнению К. Эрроу, это скорее синоним непротиворечивости преимуществ, которые проявляются индивидами в актах выбора (Arrow, 1996 Р. xiii). В свою очередь каждый акт выбора должен отвечать двум основным условиям – транзитивности и независимости от контекста. Согласно условию транзитивности, если индивид А предпочитает В, а В – С, то А затем получит преимущество над С. В этом свете понятно, почему рациональные субъекты оказываются способными делать выбор не только при условии предоставления им различных пар альтернатив, но также любого их множества. Сущность второго условия – независимость от контекста в том, что выбор между двумя опциями не зависит от того, в каком порядке они предоставляются. Это также предполагает, что добавление еще одной опции к двум имеющимся не должно влиять на выбор, если только этой новой опции не отдается предпочтение перед двумя предыдущими² (Капелюшников, 2013 С. 14–15).

Специфика данной модели в моделировании рационального экономического выбора предполагает упрощение реальной ситуации, благодаря чему модель делается более лаконичной, универсальной, поддается лучшему пониманию и объяснению экономического поведения (Anand, 2009. Р. 91). С одной стороны, упрощение делает возможным формальное представление рационального выбора и делает его удобным для математического анализа, в частности – чем меньше факторов учитывается, тем более определённый теоретический результат (объяснение или про-

¹ Некоторые исследователи считают, что основной из перечисленных выше аксиом следует считать первую (см. напр. : Anand, 2009. Р. 462).

² Капелюшников Р. (2013) Поведенческая экономика и новый патернализм. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. http://www.hse.ru/data/2013/05/14/1299917275/WP3_2013_03f.pdf

гноз) можно получить. Однако, с другой стороны, чисто экономический подход очищен от влияния ряда важных неэкономических переменных (психологического и институционального характера), что является причиной того, что во многих ситуациях расстояние между теоретическим выводом и реальным поведением смоделированных экономических субъектов может оказаться довольно значительным (Автономов, 1998. С. 65–66).

Начиная со второй половины XX века зафиксированные отклонения фактического поведения от нормативной модели рационального выбора оказались слишком многочисленными, чтобы их игнорировать, и слишком фундаментальными, чтобы их можно было вписать в нормативную систему путем ослабления ее исходных предпосылок (Tversky, Kahneman, 1986. Р. 252). По этой причине главным ответом экономистов на упреки критиков стал пересмотр указанной теоретической модели, исходя не из удобства математических конструкции, а путем заимствования теоретических конструкций из других научных отраслей (психологии, искусственного интеллекта и др.), а также за счет эмпирических свидетельств о человеческом поведении, выявленных экспериментальным путем. Использование этих достижений экономической наукой позволило существенно углубить представление о динамической рациональности и влиянии на процессы выбора институциональных структур, в рамках которых осуществляется выбор.

На пути к росту реалистичности:

учёт психологических и институциональных факторов

Основатель "старой"³ поведенческой экономики Г. Саймон одним из первых указывал на нереалистичность психологических предпосылок, из которых вытекают стандартные неоклассические модели, утверждая, что "экономисты приписывают экономическим субъектам абсурдную всезнающую рациональность" (Simon, 1957. Р. XXIII). Ему, как известно, принадлежит заслуга введения в лексикон экономистов понятия "ограниченной рациональности" (bounded rationality) для обозначения всего спектра ограничений, касающихся знаний и вычислительных способностей людей, которые не позволяют им вести себя в реальном мире так, как это предусматривает неоклассическая теория (Simon, 1987. Р. 266–268).

С взглядами Г. Саймона созвучны взгляды Дж. Катона, который также характеризовал неоклассическую априористическую модель как условно реалистичную, подчеркивая, что психологические переменные мотивы, установки, ожидания должны рассматриваться как "посредники" между объективными условиями, в которых оказываются определённые экономические субъекты, и конечными решениями, которые они принимают в этих условиях. При определении людьми своих расходов, сбережений и инвестиций такие "промежуточные" переменные, по мнению ученого, играют большую роль, и без учёта их понимание экономического поведения обречено быть неполным и ущербным (Katona, 1951. Р. 16).

Вдохновлённые примером вышеупомянутых исследователей, сотни экономистов и психологов присоединились к интересному процессу "модернизации" стандартной модели рационального выбора. Однако достижение качественно нового понимания понятия рациональности в контексте моделирования экономического выбора состоялось с момента активного развития "новой" поведенческой и экспериментальной экономики. Самый

³ В этой работе автор разделяет взгляд Р. Капелюшников о целесообразности различия "старой" от "новой" поведенческой экономики на основе важных методологических различий (Капелюшников, 2013. С. 9–10).

распространенный эмпирический вывод, к которому приходят эти два направления современной экономической науки, заключается в том, что индивиды не имеют стабильных преимуществ, а многие аномалии, зарегистрированные в этом контексте, являются следствием сосуществования в психике индивидов нескольких несовместимых наборов преимуществ, фактически множественности их "я", каждая из которых, когда ей выпадает право делать выбор решения, делает это на основании собственных узких интересов, не оглядываясь на интересы других. Даже если каждая из этих инкарнаций поступает, как рациональный максимизатор полезности, итогом наложения их решений друг на друга непременно будет становиться несогласованное поведение, далекое от канонов рациональности.

Среди прочего был поставлен под сомнение тезис о способности индивидов принимать оптимальные решения с учётом всей имеющейся информации. В частности, в многочисленных трудах исследователи пытались изучить, объяснить и осуществить эмпирическое тестирование так называемых когнитивных эвристик – приемов, используемых индивидами для увеличения скорости и сокращения времени обработки информации при принятии решений (среди которых, например, такие: предпочтение знакомого как способа упрощения сложных решений; информация, которую легче вспомнить, обычно осуществляет непропорционально большее влияние на суждения; эффект якоря, или "якорения", – влияние посторонней информации).

Также была доказана важность исследования роли и значения институтов в организации экономических взаимодействий, и вследствие этого влияние на процессы выбора тех институциональных структур, в рамках которых осуществляется выбор. Было обнаружено, что во время экономических взаимодействий на выбор индивида влияют такие факторы, как альтруизм, стремление к справедливости, соблюдение общепринятых норм поведения, доверие, взаимность и др.

Эмерджентный институциональный порядок как форма проявления стратегического взаимодействия

Учитывая это, важным достижением современной поведенческой экспериментальной экономики становится акцент на стратегическом поведении, когда экономические субъекты пытаются предсказать ответ других субъектов на свои действия. Очевидно, что в каждой ситуации существует ряд рациональных альтернатив, однако, как свидетельствуют лабораторные эксперименты, проведенные по схеме персонифицированного обмена (это развёрнутая форма игры двух лиц), немало индивидов (более 50% в одноразовых и около 90% в повторяющихся взаимодействиях) проявили склонность к сотрудничеству (Смит, 2008. С. 460). Это связано, по мнению В. Смита, с тем, что люди "запрограммированы на повторяющийся социальный обмен, поскольку это часть их природных инстинктов, что согласуется с их эгоистическими интересами в различных повторяющихся играх, давая им возможность приобретать репутацию людей, готовых принимать и раздавать любезности, то есть вести себя так, как привык вести себя среднестатистический человек" (Смит, 2008. С. 375). Благодаря также этим результатам возникло поведенческое направление теории игр, которое изучает, как реальные люди ведут себя в ситуации принятия стратегического решения, когда успех индивида зависит от решений другого участника.

Методология поведенческого направления теории игр предусматривает, что каждый участник использует собственную стратегию, разработанную с учётом представлений конкретного участника о других участниках – их ре-

сурсах и возможных стратегия. Примером стратегических действий приведем игру в шахматы: шахматист, прежде чем сделать ход, тщательно обдумывает все возможные последующие ходы противника, предпочитая шаг, который даст ему лучшую позицию. Подобным образом действует и его противник, то есть стратегическая компонента присутствует в действиях обоих. В случае, когда решение человека никак не влияет на действия других людей или принимается без учёта действий еще кого-то, такое действие не является стратегическим⁴. Рассматривая суть стратегических взаимодействий, можем предположить, что все задачи индивидуумов, которые требуют решения, являются фактически проблемами максимизации в условиях внешних ограничений в виде реакции на действия других субъектов.

Вместе с тем следует принимать во внимание тот факт, что сами индивиды делают свой выбор в пределах определённой институциональной среды, а ее архитектура непосредственно влияет как на решения, которые принимаются индивидами, так и на последствия этих решений (Sunder, 2003). В этом контексте показательно, что серией лабораторных экспериментов (Смит, 2008. С. 431–432), целью которых было исследование экономических взаимодействий в пределах рыночных институтов, подтверждена гипотеза выдающегося теоретика экономики XVII века Адама Смита о феномене эмерджентности институционального порядка. Понятие эмерджентности (от англ. *emergence* – возникновение, появление нового) отражает ситуацию, при которой в результате стратегического взаимодействия эгоистично настроенных индивидов неожиданно возникает общий положительный эффект. В лабораторных условиях эмерджентность давала себя знать, когда участники экспериментов своими действиями способствовали достижению результата, который повышал общую эффективность, что, впрочем, по словам Вернона Смита, "сначала не входило в их планы" (Смит, 2008 С. 432). Такой результат исследователи интерпретируют в свете того, что эффективность обязательно является результатом взаимодействия институциональных правил с действиями экономических субъектов.

Возникновение феномена эмерджентного институционального порядка в лабораторных условиях

Приведённое выше свидетельствует, что поведенческая теория игр характеризуется рядом положительных черт, в частности, способна проливать свет на поведение экономических субъектов и институциональный порядок, который, судя по всему, детерминирован определённым набором институтов, регулирующих хозяйственную деятельность, что со своей стороны определяет варианты наиболее возможных стратегий экономических субъектов.

Возникновение эмерджентного институционального порядка как результат стратегического взаимодействия подтверждает лабораторный эксперимент, который проведен на базе Тернопольского национального экономического университета в форме однопериодной игры с взаимодействием двух человек. В выборку вошло 520 студентов из развивающихся стран, среди которых выходцы из Украины и ряда стран Центральной и Западной Африки⁵.

⁴ Дагаев Д., Михайлович А., Сонин К. (2011) Теория игр. ВШЭ: Факультет прикладной политологии. <http://math-hse.info/f/2011-12/ФПП/Теория%20Игр/Лекция%201.pdf>

⁵ Выборку составили студенты двух вузов – Тернопольского национального экономического университета (ТНЭУ) и Тернопольского государственного медицинского университета имени И.Я. Горбачевского (ТГМУ). Среди которых: 170 выходцев из Украины (94 из ТНЭУ и 76 с ТГМУ) 160 – из Нигерии (44 ТНЭУ и 116 –

Согласно плану экспериментального исследования все участники были распределены по полученным ролям: половина из них выполняли роль Игрока 1 – предпринимателя, который планирует взять земельный участок под бизнес-проект; половина других Субъекта Б – чиновника, служебные полномочия которого предусматривают возможность предоставлять в аренду земельный участок, и который параллельно латентно занимается предпринимательской деятельностью по изготовлению и установке брусчатки. На основе указанного распределения модератором были сформированы пары по принципу принадлежности к определённой стране. Следующим шагом было ознакомление участников с сутью ситуативной задачи, с подробным описанием всех игроков, которые взаимодействуют между собой, списком всех возможных для игроков действий (набором стратегий), а также описанием платежей.

На рис. 1 схематически представлена развёрнутая форма этой игры в виде дерева принятия решений. Игра начинается в узле X1, где Игрок 1, руководствуясь бизнес-идеей открытия летнего кафе в парковой зоне с прогнозируемым доходом 100000 усл. ден. ед., должен выбрать одну из двух стратегических линий взаимодействия с чиновником (Игроком 2): (1) узел X2 предусматривает, что процедура выдачи земельного участка будет происходить согласно предусмотренной процедуре, а именно – путем участия в тендере, однако в этом случае прогнозируемые транзакционные издержки входа на рынок составят 50000 усл. ден. ед., поэтому доход составит 50000 усл. ден. ед. Выбор этой стратегической линии Игроком 1 означает настрой на соблюдение формальных норм, поэтому Игрок 2 в случае неправомерного предложения по возможности обойти формальные нормы получит штраф в размере 50000 усл. ден. ед.; или (2) Игрок 1 может выбрать альтернативную стратегическую линию, выбрав узел X3, который означает попытку обойти предусмотренную процедуру путем неформальной сделки с Игроком 2. При этом, чтобы уменьшить риск разоблачения сделки, Игрок 2 может предложить Игроку 1 выступить в роли "мецената", желающего реконструировать дорожку в парковой зоне, приобретя ее его предприятия брусчатку на сумму 25000 усл. ден. ед., что в результате обеспечит Игроку 2 неформальный доход и параллельно снизит транзакционные издержки для Игрока 1 на сумму 25000 ден. усл. ед. Поэтому прогнозируемый доход Игрока 1 составит 75000 ден. усл. ед. Если подобное предложение Игрока 1 окажется неприемлемым для Игрока 2, тот может выбрать узел X6, что означает случай сообщения о таком предложении правоохранительным органам, и на Игрока 1 будет наложен штраф 50000 усл. ден. ед.

Результаты лабораторного эксперимента, представленные в табл. 1 показывают, что в результате стратегического взаимодействия 90 пар участников из 260 остановились на узле X4, то есть в 35% случаях субъекты придерживались формально определённых процедур. Если рассмотреть результат в разрезе отдельных стран, то пары, сформированные из выходцев из Украины, этот узел выбирали в 45% случаях, из Сьерра-Леоне – 44%, Нигерии – 33%, Ганы – 27%, а ДР Конго лишь в 12% случаях. Между тем наблюдаем, что в 47% случаях участники эксперимента, руководствуясь целью максимизации выгоды, выбирали тактику нивелирования формальных правил и заканчивали игру в узле X7. В разрезе стран узел X4 как

конечный результат взаимодействий зафиксирован по 35% пар из Украины, 39% из Сьерра-Леоне, 44% из Нигерии, 65% из ДР Конго и 67% из Ганы. Парадоксально, но в этом случае достигалась не только максимизация выгоды двух Игроков, но и создавался общий положительный эффект (проложена брусчатка в парковой зоне), что является формой проявления так называемого эмерджентного институционального порядка.

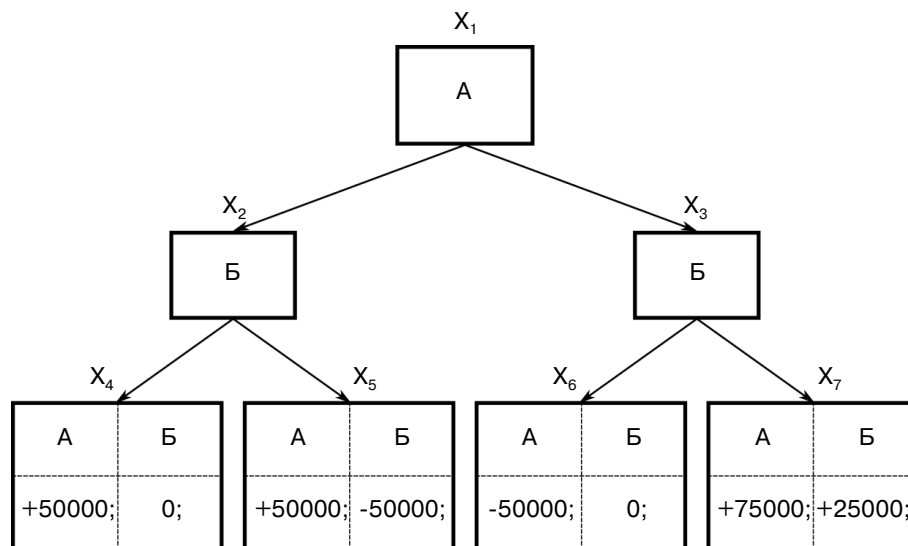

Рисунок 1. Дерево принятия решений

Источник: составлено автором

Таблица 1

Результаты стратегического взаимодействия
экономических субъектов

Страна	Украина (85 пар)	Нигерия (80 пар)	Гана (60 пар)	Сьерра- Леоне (18 пар)	ДР Кон- го (17 пар)	Общий показатель (260 пар)
Выбор $X_2 \rightarrow X_4$; количество пар (%)	38 пар (44,71%)	26 пар (32,5%)	16 пар (26,7%)	8 пар (44%)	2 пары (11,76%)	90 пар 35%
Выбор $X_2 \rightarrow X_5$; количество пар (%)	13 пар (15,29%)	16 пар (20%)	3 пары (5%)	2 пары (11%)	2 пары (11,76%)	36 пар (14%)
Выбор $X_3 \rightarrow X_6$; количество пар (%)	4 пары (5%)	3 пары (3,75%)	1 пара (1,6%)	1 пара (6%)	2 пары (11,76%)	11 пар (4%)
Выбор $X_3 \rightarrow X_7$; количество пар (%)	30 пар (35%)	35 пар (43,75%)	40 пар (66,7%)	7 пар (39%)	11 пар (64,72%)	123 пары (47%)

Источник: составлено автором

Кроме того, этот эксперимент свидетельствует о том, что эгоизм не единственный катализатор поведения экономических субъектов, что со своей стороны актуализирует необходимость выявления других мотивов и

условий, от которых оно зависит. Вполне вероятно, что в дальнейшем источником знаний об этом будут служить эмпирические успехи социальных наук, которые стали возможными благодаря доступности данных и популяризации экспериментальных методов.

Возникновение феномена эмерджентного институционального порядка в реальных экономических системах

В качестве примера возникновения феномена эмерджентного институционального порядка в реальных экономических системах можно привести известный в мире случай, произошедший в Республике Ангола и был связан с американской корпорацией "Exxon Mobil", которая в начале 2000-х годов, с целью реализовать в Анголе ряд бизнес-проектов (связанных с добычей и транспортировкой энергоносителей), столкнулась с тем, что ее капиталовложения стали объектом экспроприации не только со стороны центрального правительства Анголы, но также со стороны местной власти, которая была способна нанести существенный ущерб или даже прекратить деятельность корпорации (Zatzman, 2012). Для полноты понимания ситуации отметим, что хозяйственная система Анголы, которая характеризуется низким качеством институтов в сочетании с массовой рентонастроенностью чиновничьего аппарата, является инертной и ригидной (Козюк (ред.), 2015), а поэтому не способной обеспечить плановые показатели и ожидания населения относительно обещаний политиков. Неудивительно, что субъекты, уполномоченные выполнять государственные функции, начали систематически выдвигать компании требования коррупционного характера, которые сводились к "предложению" профинансировать ряд социальных проектов, направленных на улучшение инфраструктуры страны. Среди проектов, которые реализовала компания "Exxon Mobil", можно выделить следующие: а) восстановление средней школы г. Луанда (сумма проекта 10 млн долл. США); б) финансирование ряда благотворительных программ на сумму 4 млн долл. США ежегодно; в) возведение лаборатории по вопросам исследования патологий, оснащенной компьютерным томографом (общей стоимостью 200 тыс. долл. США); г) строительство центра для лечения пациентов с анемией (стоимость 300 тыс. долл. США); е) ремонт и модернизация средней школы г. Сойо (стоимость 300 тыс. долл. США); е) ряд других социальных проектов (на сумму 2,7 млн долл. США) и т.д. (Sunder, 2003). Финансирование подобных проектов является ничем иным, как трансакционными издержками корпорации пребывания на рынке указанной экономической системы.

В данном случае представители, уполномоченные выполнять государственные функции Анголы, и менеджмент корпорации "Exxon Mobil" благодаря стратегическому взаимодействию нашли обоюдную выгоду, в частности для компании это – прибыль, а для правительства это – оправдание надежд электората, что позволяет получать политическую ренту. В то же время наблюдается общий положительный эффект или феномен эмерджентного институционального порядка для хозяйственной системы в целом. Таким образом, важные составляющие эмерджентного порядка, присутствующие в рыночных процессах, обусловлены влиянием институционального порядка, а не одной лишь рациональностью индивидов. Среди прочего этот случай как результат стратегического взаимодействия, в основу которого заложена ожидаемая максимальная полезность или выгода⁶, имеет все признаки реципрокности.

⁶ Поскольку никто не может с уверенностью предсказать последствия всех принимаемых решений, то обычно говорят, что индивиды максимизируют скорее

Опасность устойчивости реципрокных отношений в современных хозяйственных системах

Под "реципрокностью" обычно понимают определённый культурный механизм, который проявляется в форме подарка, преподносимого на условиях пролонгированной возвратности с целью налаживания отношений (*Culp, Schumacher, 2011*). Участники реципрокных отношений умело декодируют смысл даров, руководствуясь паритетным представлением об их ценности (или полезности), и "выдают" ожидаемые реакции на призыв о помощи. На уровне высших чиновников реципрокные отношения позволяют отдельным бизнес-субъектам получать определённые преференции, в частности – в контексте возможности входа и пребывания на высоко-рентабельных рынках. Важно отметить то, что реципрокные практики в большей степени присущи неустоявшимся хозяйственным системам, где законодательная, регулятивная и институциональная базы, предназначенные для ограничения дискреционных аспектов, являются более слабыми, чем в развитых странах. В таких системах наблюдаются особенности взаимодействия институциональных правил с действиями экономических субъектов, поскольку большое значение в процессах социального обмена отведено неформальным нормам.

Доминирование неформальных регуляторов в поведении экономических субъектов в неустоявшихся хозяйственных системах, вероятно, связано с тем фактом, что в условиях скрытой институционально ценностной деструкции тот, кто пытается соблюдать правила, чаще проигрывает, чем тот, кто ими пренебрегает (*Прутська, 2003*). Поэтому дихотомическая сущность неформальных норм сводится к тому, что, с одной стороны, они хорошо известны экономическим субъектам и обычно являются добровольным элементом, то есть поддерживаются всеми участниками ситуативных игр, однако, с другой стороны, – противоречат декларативным морально-ценностным установкам обществ.

Из приведенного выше следует, что сложившаяся практика отношений является мощным источником инерции, что на макроуровне может вызвать возникновение экономической системы с кланово-олигархической структурой, ориентированной на захват ренты. В случае реализации такого сценария, государство в глазах общества начинает восприниматься как субъект, отделённый от общества и ориентированный на лоббирование интересов олигархического капитала. Это нивелирует цели экономических реформ, требующих от простых граждан "затянуть пояса" ради роста эффективности экономики, с которой они не чувствуют себя соединёнными существенно (*Жаліло, 2015. С. 14*).

Часто в таких хозяйственных системах самый простой выход для всех заключается в том, чтобы действовать, как и раньше, особенно в условиях, когда бенефициары статус-кво активно сопротивляются изменениям. В то же время зависимость (политическая, финансовая) элит таких стран от международных финансовых институтов побуждает их к большей сговорчивости, настраивает на реформаторский лад. Возможно предположить, что тех субъектов, которые опасаются понести в результате реформ потери, можно заставить покориться воле большинства или обойти, однако значительно более сложная задача – заинтересовать

ожидаемую, чем действительную полезность. Классический способ включить ожидания в экономическую теорию – это предположение, что тот, кто принимает решение, может оценить общее вероятностное распределение будущих событий.

в реформе и компенсировать потери, чтобы предлагаемые изменения стали для них более приемлемыми.

Проведенное исследование позволило сделать ряд концептуальных **выводов**, а именно:

во-первых, в нем обоснованно, что неоклассическое трактование понятия рациональности имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К первым следует отнести возможность использования без особых проблем математический аппарат (с этой целью потребители превращаются в функции полезности, а фирмы – в функции производственные). Что касается негативных моментов, следует отметить, что они являются следствием абстрактности этой теории. Действительно, основные параметры модели экономического человека напоминают скорее принципы оптимального поведения субъекта, чем фактическое его воплощение. Например, результаты проведенного эксперимента для подтверждения существования эмерджентного институционального порядка совпадают с выводами современной поведенческой и экспериментальной экономики относительно того, что эгоизм не является единственным катализатором поведения экономических субъектов, и это, в свою очередь, делает актуальной потребность выявления других мотивов и условий, от которых оно зависит. Вполне вероятно, что прогресс в этом вопросе будет достигнут благодаря междисциплинарной кооперации и активному использованию экспериментальных методов в исследованиях;

во-вторых, показано, что условием рационального выбора является его минимальная или нулевая конфликтность между институциональными требованиями и запретами. В случае конфликта субъекта с институциональными предписаниями (когда поведение отклоняется от коридора среднего разброса типичного поведения) вероятность получения желаемого результата уменьшается настолько, что субъект должен обязательно учитывать это во время своего выбора. Поэтому важные составляющие эмерджентного порядка, которые присутствуют в рыночных процессах, обусловлены влиянием институционального порядка, а не одной только рациональностью индивидов;

в-третьих, отмечена опасность устойчивости реципрокных отношений, которые на макроуровне могут вызвать возникновение кланово-олигархической экономической системы, ориентированной на получение ренты. Рента в этом случае является устойчивым сверхдоходом, который могут получать политики вследствие того, что "вход" в соответствующую отрасль жестко регламентируется законодательными актами и пристально охраняется аппаратом насилия. При таких реалиях государство воспринимается как субъект, отделённый от общества, а следовательно теряется ценность целей развития государства и функций, которые оно должно выполнять. Как следствие, в обществе появляется неудовлетворенность, наблюдается преобладание пассивности и конформизма, неспособность утверждать как личную, так и национальную идентичность.

Поэтому является очень актуальной потребность в дальнейших научных исследованиях в сфере преодоления институционального кризиса и построения эффективного институционального пространства в условиях несовершенных институтов. Вполне вероятно, что важнейшей особенностью совершенствования институциональных порядков в условиях неустоявшихся хозяйственных систем является трансформация общества, основанного на элитах, к обществу, основанного на массах. Эта трансформа-

ция сочетает в себе равенство и открытый доступ к рынкам, институционализацию принципа верховенства права и широкое политическое участие.

Литература

- Автономов В. (1998). Модель человека в экономической теории и других социальных науках. М.: ГУ-ВШЭ. Вып. 3. С. 65–66.
- Гриценко А. (2007). Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований : монография. Х. : Форт. 896 с.
- Дементьев В. (2009). Що ми досліджуємо, коли досліджуємо інститути // Економічна теорія. №3. С. 75–92.
- Жаліло Я. (2015) Еволюція чинників дієвості економічної політики держави та інституційна криза в Україні // Економічна теорія. №2. С. 5–18.
- Козиук В. (ред.) (2015). Сучасні вимірники рівня розвитку структурних та інституціональних характеристик національної та глобальної економік: навч.-метод. посіб. 2-ге вид., випр. і доп. Тернопіль: Вектор. 248 с.
- Мандевиль Б. (2000). Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества. М.: Мысль. 291 с.
- Прутська О. (2003). Інституціоналізм і проблеми економічної поведінки в перехідній економіці. Київ: Логос. 256 с.
- Смит В. (2008). Адам Смит в двух лицах // Экспериментальная экономика (комплекс исследований, по совокупности которых автору присуждена Нобелевская премия). М.: Мысль. С. 375
- Смит В. (2008). Конструктивистская и экологическая рациональность в экономической теории // Экспериментальная экономика (комплекс исследований, по совокупности которых автору присуждена Нобелевская премия). М.: Мысль. С. 419–504.
- Тарасевич В. (2004). Інституціональна теорія: методологічні пошуки і гіпотези // Економічна теорія. № 2. С. 45–56.
- Anand P., Pattanaik P., Puppe C. (2009). The Handbook of Rational and Social Choice. Oxford University Press. 592 p.
- Angner E. (2012). Behavioral economics. In: Uskali Mdk. (Ed.), Philosophy of Economics, Handbook of the Philosophy of Science, V. 13 P. 641–689.
- Arrow K. (1996). The Rational Foundations of Economic Behavior, Proceedings of the IEA Conference held in Turin, Italy, New York: St. Martin's Press. P. xiii–xvii.
- Culp J., Schumacher H. (2011). Reciprocity in Economic Games // Analysed Krilik. V. 1. P. 349–364.
- Jevons W. (1965). The theory of political economy (5th ed.). New York: Augustus M. Kelley.
- Katona G. (1951). Psychological Analysis of Economic Behavior. New York: McGraw-Hill.
- Simon H. (1957). Administrative behavior: A study of decision-making process in administrative organization (2nd ed.). New York: Macmillan.
- Simon H. (1987). Bounded Rationality. In The New Palgrave, edited by John Eatwell, Murray Milgate, and Paul Newman. London: Macmillan. P. 266–268.
- Sunder S. (2003). Market as Artifact: Aggregate Efficiency from Zero Intelligence Trad-ers. In: Models of a Man: Essays in Memory of Herbert A. Simon. Cambridge Mass.: MIT Press.
- Tversky A., Kahneman D. (1986). Rational Choice and the Framing of Decisions // The Journal of Business. V. 59. № 4. P. 251–278.
- Zatzman G. (2012). Sustainable Resource Development. NJ: Wiley-Scrivener Publishers. 544 p.

References

- Avtonomov V. (1998). Model' cheloveka v jekonomicheskoy teorii i drugih social'nyh naukah [Model man in economics and other social sciences]. Moscow GU-VShJe. Vyp. 3. P. 65–66. (In Russian)
- Gricenko A. (2007). Institucional'naja arhitektonika i dinamika jekonomicheskikh preobrazovanij [Institutional dynamics of architectonic and economic transformation]. Har'kov : Fort. 896 p. (In Russian)
- Dementiev V. (2009). Shcho my doslidzhuemo, koly doslidzhuemo instytuty [As we explore when investigating institutions]. *Ekonomichna teoriia*. №3. P. 75–92.
- Zhalilo Ya. (2015) Evoliutsiia chynnykiv dievosti ekonomichnoi polityky derzhavy ta instytutsiina kryza v Ukraini [Evolution factors effectiveness of economic policy and institutional crisis in Ukraine]. *Ekonomichna teoriia*. №2. P. 5–18. (In Ukrainian)
- Koziuk V. (red.) (2015). Suchasni vymirnyky rivnia rozvytku strukturnykh ta instytutsionalnykh kharakterystyk natsionalnoi ta hlobalnoi ekonomik [Modern gauges the level of structural and

- institutional characteristics of the national and global economies]. 2-he vyd., vypr. i dop. Ternopil: Vektor. 248 p. (In Ukrainian).
- Mandevil' B. (2000). Basnja o pchjolah, ili Poroki chastnyh lic – blaga dlja obshhestva [The Fable of the Bees, or Vices of individuals – for the benefit of society]. Moscow: Mysl'. 291 p. (In Russian).
- Prutska O. (2003). Instytutstionalizm i problemy ekonomichnoi povedinky v perekhidnii ekonomitsi [Institutionalism and economic behavior problems in transition economies]. Kyiv: Lohos. 256 p. (In Ukrainian).
- Smit V. (2008). Adam Smit v dvuh licah [Adam Smith in two faces]. *Jeksperimental'naja jekonomika (kompleks issledovanij, po sovokupnosti kotoryh avtoru prisuzhdena Nobelevskaja premija)*. Moscow: Mysl'. P. 375.
- Smit V. (2008). Konstruktivistskaja i jekologicheskaja racional'nost' v jekonomicheskoi teorii [Constructivist and environmental rationality in theory an economic]. *Jeksperimental'naja jekonomika (kompleks issledovanij, po sovokupnosti kotoryh avtoru prisuzhdena Nobelevskaja premija)*. Moscow: Mysl'. C. 419–504.
- Tarasevych V. (2004). Instytutstionalna teoriia: metodolohichni poshuky i hipotezy [Institutional theory: methodological search and hypotheses]. *Ekonomichna teoriia*. № 2. S. 45–56. (In Ukrainian).
- Anand P., Pattanaik P., Puppe C. (2009). The Handbook of Rational and Social Choice. Oxford University Press. 592 p. (In English).
- Angner E. (2012). Behavioral economics. In: Uskali Mäki. (Ed.), Philosophy of Economics, Handbook of the Philosophy of Science, V. 13 P. 641–689. (In English).
- Arrow K. (1996). The Rational Foundations of Economic Behavior, Proceedings of the IEA Conference held in Turin, Italy, New York: St. Martin's Press. P. xiii–xvii. (In English).
- Culp J., Schumacher H. (2011). Reciprocity in Economic Games. *Analysed Kriilik*. V. 1. P. 349–364. (In English).
- Jevons W. (1965). The theory of political economy (5th ed.). New York: Augustus M. Kelley. (In English).
- Katona G. (1951). Psychological Analysis of Economic Behavior. New York: McGraw-Hill. (In English).
- Simon H. (1957). Administrative behavior: A study of decision-making process in administrative organization (2nd ed.). New York: Macmillan. (In English).
- Simon H. (1987). Bounded Rationality. In The New Palgrave, edited by John Eatwell, Murray Milgate, and Paul Newman. London: Macmillan. P. 266–268. (In English).
- Sunder S. (2003). Market as Artifact: Aggregate Efficiency from Zero Intelligence Traders. In: Models of a Man: Essays in Memory of Herbert A. Simon. Cambridge Mass.: MIT Press. (In English).
- Tversky A., Kahneman D. (1986). Rational Choice and the Framing of Decisions // The Journal of Business. V. 59. № 4. P. 251–278. (In English).
- Zatzman G. (2012). Sustainable Resource Development. NJ: Wiley-Scrivener Publishers. 544 p.

Поступление в редакцию 02.06.2016 г.

EMERGENTIC INSTITUTIONAL REGIME IN THE ECONOMY AND ITS BEHAVIORAL FOUNDATIONS

Iurii Ivashuk

Author affiliation: PhD in Economics, Professor, Ternopil National Economic University.
Email: yu.ivashuk@tneu.edu.ua.

The article considers the conceptual approaches to modelling the behavior of economic agents and reveals the concept of the rationality of economic choice. It is shown that the systemic matching between intentions and expectations that determine actions of various interconnected individuals represents a basis to develop a specific institutional regime. The author formulates his own vision of the phenomenon of emergent institutional regime. The article provides the results of attempts to prove the phenomenon of emergent institutional regime in laboratory environment. An example of the appearance of emergent institutional regime within the existing economic systems is provided. The author argues that the key components of emergent institutional regime available within the market processes are caused by the influence of the institutions and not by the rationality of the individuals alone.

Key words: rationality, strategic cooperation, behavioral theory of games, emergent institutional regime.

JEL: C7, C91, D01.